

ТРУБАЧЕВ О. Н.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН *

Изоглоссы внутри ареала сатэм. *Daco — slavica*.

Оценив выше отнюдь не периферийную и не внеиндоевропейскую природу процесса $e - o - a \rightarrow a$ в индоиранском, мы коснемся в интересующем нас плане консонантной проблемы кентум/сатэм. Собственно говоря, в силу занятий славянскими древностями мы уделим внимание некоторым аспектам сатэмизации и положению группы сатэм в первую очередь. Вполне вероятно, что группа языков сатэм занимала не периферийное, а скорее центральное положение в индоевропейском ареале, тогда как языки кентум с давних пор расположились на дальних и ближних перифериях [60]. Сатэмизация, а точнее — ассимиляция первоначального индоевропейского палатального заднебного $\tilde{k}$ (а также $\tilde{g}$, $\tilde{gh}$), есть по самой своей природе инновация, т. е. наиболее продвинутое состояние, которое обычно имеет смысл ассоциировать с центром соответственного ареала. Естественно, однако, и в очаге инновационного явления ожидать сохранения архаизмов, им не затронутых, тем более, что речь должна идти не о чистой фонетике, но и о лексике (лексикализация). В каждом языке-сатэм есть элементы кентум — либо в виде собственных архаизмов разного рода, либо иноязычных заимствований. Такого рода отклонения еще не дают оснований для того, чтобы говорить о переходных языках или переходных зонах (как иногда делают, говоря о древних индоевропейских языках Балканского п-ова), но отражают лишь вкратце отмеченную выше суть явления. Наоборот, наличие элементов сатэм в языках-кентум или совершенно не отмечается, что представляется вполне естественным, или же проблематично и требует особого объяснения. Таким образом, проблема кентум/сатэм остается по-прежнему проблемой этнолингвистики и лингвистической географии, именно в этих областях она плодотворно комментируется современными исследованиями и обретает определенную актуальность, в которой ей одно время отказывали, а некоторые упорно отказывают и сейчас (например, В. Георгиев, И. Дуриданов в Болгарии). Соображения о связи этой проблемы с разными стилями речи, в частности сатэмизации — с аллегрным, быстрым стилем, а сохранной кентумности — с медленным, тщательным стилем речи [61, *passim*] в чем-то верны, но не раскрывают сути явления, кроме той, что уже известна (инновация), и вряд ли могут оказаться особенно перспективными. Дальнейший прогресс изучения проблемы кентум/сатэм может обеспечить углубленная разработка изоглоссного метода. Так, если до сих пор довольствуются, как и в лингвистике XIX в., выделением двух основных изоглоссных зон — кентум и сатэм, то теперь это уже не может считаться достаточным, поскольку накопились материал и для более новых обобщений. Все в общем признают наличие при сатэмизации стадии аффрикаты, но споры насчет характера аффрикаты ведутся, скорее, в бескомпромиссном духе: или это была аффриката ряда $\tilde{c}$, или $c(ts)$ [44, с. 5]. Однако распространять одну или другую стадию на весь ареал сатэм было бы насилием, которому сопротивляются уже известные языковые факты. Эти последние как раз диктуют необходимость компромиссного решения, а точнее — констатации внутреннего изоглоссного деления в рамках самой изоглоссной

* Окончание. Начало статьи см. в ВЯ, 1984, № 2.

зоны сатэм. Так, например, сатэмизация¹ типа $\bar{k} > \check{c} > \check{s}/\check{s}$ характеризует древнеиндийский и вообще индоарийский, но уже иранский с его $s, z < \bar{k}, \bar{g}$ прошел, видимо, стадию другой аффрикаты — ряда c , которая сохранилась в кафирских языках. Стадия аффрикаты $\check{c}$ прослеживается еще в армянском и балтийских (литовском), тогда как «кафирская» стадияльная изоглосса $c(ts) < \bar{k}$ отличала, очевидно, также славянские языки, существенно отграничивая их от балтийских [62]. У инновации $\bar{k} > c(ts)$ был, по-видимому, кроме стадияльного, также ареальный аспект. Во всяком случае инновационная изоглосса $\bar{k} > c(ts)$, отграничивая, как уже сказано, славянский от балтийского, с б л и ж а е т его с б а л к а н с к о - и н д о е в р о п е й с к и м. Так, указывалось, что алб. *th*, восходящее к и.-е. $\bar{k}$, определенно свидетельствует о промежуточной аффрикате $t\check{s}$ [63]. Возможно, близкую к раннепраславянской стадии аффрикаты $c(ts) < \bar{k}$ знал дакский, ср. рассуждения относительно субстратного в таком случае рум. *țarca* «сорока» [64]. Неслучайными поэтому могут показаться попытки определить центральное положение славянского в языках сатэм, как, например, в [65, passim], но взгляд автора на славянский как на некий «сатэмный остров со звуком *o*, целиком окруженный *a*-сатэмными языками» представляется не вполне соответствующим действительному положению вещей, в котором мы попытались разобраться выше в связи с индоиранским переходом $e-o-a \rightarrow a$.

Однако из общего вероятия периферийного расположения кентумных языков еще не следует делать вывод о наличии языка-кентум в древней Восточной Европе [66]. Это была преимущественно сатэмная зона с кентумными элементами разного статуса (см. выше). Один такой эпизод, достаточно интересный в лексическом, ареальном и культурноисторическом плане, представляет название конопли и его этимология, которая здесь дается на основе более подробного анализа в [67].

Название конопли в свете проблемы сатэм в Восточной Европе

Название конопли охватило многие языки Европы с раннего времени, но в большинстве из них оно обнаружило чужеродные характеристики, например, попав в германский еще до I германского передвижения согласных, оно все же сохраняло негерманский вид (*hanapis*), точно так же греч. $\chi\alpha\upsilon\alpha\pi\iota\varsigma$ имело негреческий вид, что все вместе способствовало «неиндоевропейской» репутации этого слова [68]. Однако традиционное мнение сейчас можно считать предубеждением, мешавшим видеть истоки слова. Греческое, латинское, славянское, германское названия конопли заимствованы, но не из Передней и не из Малой Азии. В Грецию конопля пришла вместе с названием непосредственно с севера. Возможно, промежуточным посредником явился фракийский язык с его неустойчивостью консонантизма, поскольку первоисточником греческого и фракийского слов была, видимо, форма **kan(n)apus-*, как это подсказывает инверсионный вариант **puskana-*, известный в Восточной Европе (ср. русск. *посконь* и другие формы). При этом отмечается возрастающее богатство форм и значений по мере продвижения на Восток, а не на Запад, что объективно противоречит этимологии Мейе из латинского. Далеко не все ясно относительно словообразовательно-этимологического гнезда **konopja* в славянском. Так, сюда же еще, возможно, относится слав. **kopati* (*se*) «купать(ся)», если из первоначального **kan(a)p-* в связи со скифской (восточноевропейской) культурной традицией парной бани с применением испаряющегося конопляного семени (Herod. IV, 75).

Главным отправным пунктом в истории конопли как слова и вещи должно служить точное указание Геродота, что конопля характерна для Скифии, где она «и растет сама, и сеется». Положения не меняет и то, что соседящие со Скифией с запада более культурные фракийцы даже делают из конопли одежду (Herod. IV, 74). Финно-угорская праформа **kana-pis* и вообще версия о происхождении из нее славянского и других (выше)

названий конопли [69, т. I, с. 559] нереальны, соответствующие формы отдельных финно-угорских слов — полностью или частично — сами заимствованы из северопонтийских районов. Есть основания считать название конопли местным, восточноевропейским словом индоевропейского происхождения, в конечном счете — из индоиран. **kana-* «конопля», ср. сюда же, с одной стороны, др.-инд. *śaṇā-* «сорт конопли *Cannabis sativa* или *Crotolaria juncea*» [70], с другой стороны — осет. *gæn/gænxæ* «конопля», продолжающее скиф. **kana-* «то же» [71, т. I, с. 512—513]. Здесь — в вариантах одного слова — представлены сатэмные (сатэмизированные) формы и исконно велярные формы. Сюда относятся, далее, осет. *sæn/sænxæ* «вино», др.-инд. *śaṇa-* также в значении «опьяняющий напиток», ср. топонимическое сложение *Κινσάνους* в средневековом Крыму, название Алуштинской долины, что-то вроде «страна вина»,

«винная», толкуемое нами из индоар. (тавр.) **kim- śana-* «винное». Аналогию можно наблюдать в частично сатэмизированном др.-инд. *śarkara-*, безусловная редупликация более простой основы **kar-* «камень», пережиточно сохранявшейся в Европе. Последующая лексикализация закрепила в индоиранском оба варианта — сатэмный **śana-* и кентумный **kana*, хотя архаичная велярность просматривается, причем — в сочетании с архаичной семантикой: др.-инд. *kāṇa-* «верно, семя, крошка», которое Майрхофер [72, т. I, с. 146] считает неясным. Женская конопля — семенное растение, откуда название дано по семеню в местных индоиранских языках Северного Причерноморья. При этом любопытно, что для обозначения дикой конопли было использовано в сущности доземледельческое название семени. Индоиран. **kana-*, возможно, родственно греч. *κόνις* «пыль», лат. *cinis* «зола», далее — экспрессивному греч. *κόνικος* «зернышко, семечко плода». Экспрессивная геминация в последнем, как и в греч. *κόνυαζις*, позволяет понять церебральность др.-инд. *kāṇa-*, *śaṇa-* тоже как экспрессивную. Несколько труднее обстоит дело с интерпретацией другого компонента исходного сложения **kana-pus-*, давшего все прочие европейские названия конопли: может быть, в связи с др.-инд. *pūtān* «мужчина, самец», т. е. как «конопля мужская»? Последующие смешения названий мужской — бессемянной — и женской конопли возможны. Или мужская конопля названа как «пыльниковая, опыляющая» — от и.-е. **pu-s-* «дуть, веять»? (От этой основы произведена древнеиндийская лексика цветов и цветения: *pūṣkaram* «лотос», *pūṣpam* «цветок», *pūṣyam* «то же», *pūṣyati* «цвести, процветать»; в иранском словарном составе эта основа представлена очень слабо.)

Об отражении индоевропейского консонантизма в славянском языке-сатэм

Споры вокруг проблемы кентум/сатэм продолжаются; они захватывают порой всю проблематику консонантизма, особенно в сатэмных языках (а подчас также и вокализма), и это не случайно, потому что инновационная природа ряда процессов в языках-сатэм представляется как бы эманацией их — по ряду признаков (выше) — срединного положения в индоевропейском языковом пространстве. Опасность прямолинейных умозаключений подстерегает, впрочем, лингвистов и здесь. Рассматривая славянский консонантизм под углом зрения сатэмной инновации, они нередко склонны недооценивать присутствующие рядом архаизмы, трактуют, например, упрощенно проблему отражения индоевропейских лабиовелярных задненебных *g^u*, *k^u*, приходят к выводу о полном их исчезновении, делабиализации при сатэмизации. При этом обычно оставляются без внимания факты выделения (не исчезновения!) губного тембра ^u в особую артикуляцию в ряде примеров славянского: **g^urdlo* — и.-е. **g^ur-*; **g^urnati* — и.-е. **g^uhen-*, **ghun-*; **g^urnъ* — и.-е. **g^uh^uno-*. Вайян, который видел здесь продолжение в славянском названных индоевропейских форм [50, с. 171], вероятно, был прав, в отличие от своих оппонентов,

ср. [73, 74]. Очевидно, внимательная ревизия соответствующих фактов славянского могла бы укрепить и развить концепцию преемственного развития, или, иначе говоря, более комплектного отражения индоевропейского консонантизма в славянском языке-сатэм.

Центр праславянских фонетических
инноваций — в Паннонии

В послевоенной славистике, кажется, не привлекла особого внимания одна небольшая публикация покойного Т. Милевского [75], которая такого внимания в полной мере заслуживала и представляется нам теперь симптоматичной в плане наших нынешних интересов. Польский лингвист указал на выделение в позднепраславянский период (начиная с VII—VIII вв.) центра ряда важных фонетических инноваций, а заодно и центра славянской территории, каким оказался район к югу от Карпат, в частности Паннония. Милевский считает, что именно отсюда исходили семь новых фонетических процессов позднепраславянского языка: 1) метатеза плавных (интересно отметить, что восточнославянское состояние *to/rot* характеризуется как дометатезное, с передвижением границы слога из первоначального *tar/t*, т. е. как периферийный архаизм); 2) переход носовых гласных в губные («за вычетом трех периферий», куда он относит лехитский и, а также словенский и болгаро-македонский); 3) победа узкой артикуляции $\ddot{e}=e/\acute{e}/i$ (кроме лехитского и восточноболгарского ареалов); 4) переход праслав. $y > i$; 5) падение праславянской интонации; 6) диспалатализация мягких согласных перед передними гласными (с убыванием по мере продвижения со славянского Юга на славянский Север; при этом автор указывает на наилучшую сохранность палатальности на славянском Севере — в поморских, мазовецких и далее — белорусских диалектах, т. е. на перифериях славянского языкового пространства, в терминологии Милевского; не можем не обратить внимания на то, что Мартынов [76] называет именно лехитскую территорию, «на север и на запад от Подляшья», эпицентром аккомодации в праславянском духе); 7) переход $g > h$ в XI—XII вв. в центре Славии, т. е. в.-луж., чеш., словац., укр., белорусск., ю.-в.-р. (здесь интересна тенденция внутриславянского объяснения $g > h$, которое В. И. Абаев несколько ранее попытался, как известно, тоже опираясь на ареальные данные, отнести на счет иранского — скифского субстрата). Можно сказать лишь, что нам не кажутся убедительными заключительные выводы самого Милевского о том, что в конце праславянского периода состоялся перенос центра славянских инноваций на юг из более северных районов. Подобное умозаключение как бы логически превращает земли к югу от Карпат (Паннонию и соседние с ней) в периферию предшествующего славянского ареала, а от периферии мы, как и сам Милевский, были бы склонны ожидать устойчивых архаизмов, но отнюдь не инноваций, да, к тому же, столь комплектных. Вообще центр ареала — величина весьма стабильная, в его мобильность и нормальное функционирование при этом именно как центра ареала, гесп. инноваций, плохо верится. Инновации и миграции на периферию ареала все-таки плохо совместимы. Единственно правильный вывод из наблюдений Милевского — это тот, что центр праславянской территории и ранее традиционно находился к югу от Карпат.

Между прочим, и археологи называют центром доподлинно славянской пражской керамики моравско-словацкую территорию в бассейнах Вага и Моравы [77, с. 26]. На всем ареале керамики пражского типа, за характерным исключением висло-одерского региона, отмечается как типичное раннеславянское жилище прямоугольная полуземлянка с печью или очагом в углу. Такая форма жилища встречается на территории Словакии и Моравии, т. е. на непосредственно придунайских землях, с достаточно раннего времени [78]; присутствие полуземлянок славян-

ского типа в карпато-дунайских землях констатируется в III—IV вв. н. э., т. е. в эпоху черняховской культуры [79]. В отличие от господствовавшего прежде убеждения о хронологическом разрыве между культурами римского времени и раннеславянской культурой, исследователи начинают говорить о контакте и сосуществовании этих культур [80]. Правда, цитируемые археологи мыслят себе среднедунайское пространство как славянизированное вторично со стороны Правобережной Украины и Южной Польши, но для нас здесь важнее выделить практическую современность придунайских раннеславянских культурных остатков черняховской эпохи и позднеримскому времени.

В наших глазах и в свете отстаиваемой нами концепции придунайского ареала древних славян большое значение приобретают результаты археологического обследования, которые привели к выводу, что не только славянская керамика великоморавских поселений VIII—IX вв., но и раннеславянская пражская керамика IV и последующих веков приблизительно этих же районов изготовлялась в точном соответствии с римскими мерами жидких и сыпучих тел [81, с. 121 и сл., 136, 137, 138]. Любопытно, что метрологическое единство великоморавской славянской керамики и раннеславянской придунайской керамики пражского типа и римскую основу этого единства авторам приходится объяснять как знакомство славян с римскими мерами «еще до ухода с прародины» [81, с. 140], хотя наиболее очевидным здесь был бы аргумент непрерывности не только техники производства, но и придунайского ареала обитания, а концепция прихода славян на Дунай с прародины к северу от Карпат лишь затруднила бы понимание вещей. Экскурс в раннеславянскую гончарскую метрологию по римскому образцу предпринят нами ввиду междисциплинарного интереса, который представляют эти данные. Для общей картины важно иметь в виду существование отличного фона; например, те же исследователи отмечают, что керамика тисского типа, видимо, принадлежавшая кочевникам, изготовлялась в соответствии с другой системой мер; на Западе распространенную римскую систему мер реформировал Карл Великий.

Таким образом, то, что теории славянской прародины на север от Карпат до последнего времени объясняют как «относительно раннюю славянизацию» Моравии и Словакии [82], допускает в связи с притоком новых фактов квалификацию как центров языкового и культурного развития древних славян. Неудивительно также, что и в отношении Паннонии наука возвращается и еще будет возвращаться к пересмотру вопроса о присутствии там славянского элемента в древности, в частности, на материале ономастики, ср. весьма прозрачное название племени озеряты близ озера Пельсо (Балатон) и название реки *Bustricius* (географ Равеннский), которое неотделимо от многочисленных славянских гидронимов *Быстрица* [83]. Территориальная привязка озерятов к Паннонии, как и связь этого названия со славянским названием озера, достаточно конкретно свидетельствуют против попытки вывести последнее из балтийского, ср. [84].

О центре индоевропейского ареала

Лингвистические судьбы праславян неразрывно связаны с лингвистическими судьбами праиндоевропейцев, и эта точка зрения все-таки постепенно прокладывает себе путь — не как предвзятая идея, а как вывод, вытекающий из растущих численно фактов, которые сопротивляются и теории балто-славянского языкового единства и относительно новой концепции, рассматривающей славян как индоевропейцев как бы в третьем поколении. Все более тесное слияние задач и материалов праславистики и индоевропеистики побуждает одних и тех же исследователей почти с равной интенсивностью решать вопросы славянского и индоевропейского глотто- и этногенеза, что нашло, естественно, отражение и в настоящей работе. Западногерманский славист Ю. Удольф после своей

большой книги о славянской гидронимии и прародине славян 1979 г. (см. о ней нашу рецензию [85]), где он, как известно, пришел к спорной локализации праславян на ограниченной территории в Прикарпатье, обратился также к проблеме раннего членения индоевропейского на материале гидронимии [86, *passim*]. Заранее замечу, что меня не удовлетворили и на этот раз выводы автора и основное направление его мыслей, но собранный им материал, а главное — его картографическая проекция представляют немалый интерес и дают новую пищу для праязыковых штудий и локализаций, правда, совсем не в том смысле, в каком представлял Удольф. Эти данные удобно отражены на карте в его статье [86, с. 60], которую мы используем и далее, на своей карте. Суть наблюдений Удольфа сводится к тому, что на древней карте Европы отмечаются три крупных скопления индоевропейских гидронимов: так называемый «северо-западный блок» (в низовьях Рейна и междуречье Везера и Эльбы), затем — в Италии и, наконец, в Прибалтике, не говоря о редких гидронимах, рассеянных без видимых скоплений в промежуточном пространстве описанного треугольника (у нас далее опускаются). В этих трех гидронимических скоплениях древней Европы Удольф видит непосредственное отражение ранних индоевропейских диалектных групп. Балтийскую гидронимическую группу он считает основной, центральной (в чем он следует балтоцентристской модели своего учителя В. П. Шмида), мысленно протягивая от нее линии к соответствиям в обеих других группах. Не буду повторяться о кучности гидронимов как явления, характерном для зоны экспансии (периферия), а не для исходного центра, скажу только, что балтийская зона не может быть центром, поскольку это классическая периферия. То, что итальянская группа гидронимов — это другая такая же периферия индоевропейского ареала на юге, в Средиземноморье, а нижнерейнско-везерская группа — это тоже периферийная зона на северо-западе, надеюсь, не станет оспаривать и сам Удольф. Уже это одно сопоставление должно бы навести на мысль об аналогичном статусе балтийской группы. Важность сопоставления всех трех групп у Удольфа — в том, что они помогают четко очертить внутреннее пространство между ними, которое нас интересует, надо сказать, больше всего. Если соединить балтийскую и итальянскую группы гидронимов условной линией, ее средняя часть ляжет примерно на Подунавье. Из этого полученного нами центра другая условная прямая линия может быть проложена в сторону «северо-западного блока». Это и был старый языковой и этнический центр индоевропейской Европы, выведенный нами в Подунавье как бы с помощью векторного определения. Разумеется, и наша попытка схематична, но схематизм этот другой, он построен на учете динамики этнического и лингвистического (гидронимического) освоения новых пространств. Интересно попутно отметить, что из трех крупных ранних индоевропейских гидронимических периферийных групп две обращены к северу. Это вполне согласуется с тем вероятием, что индоевропейское освоение шло с юга на север, что Север был освоен вторично и притом — не до конца, ср. все еще зияющую, несмотря на усилия заполнить ее, «лакуну Краэ» на запад от Вислы и Одера.

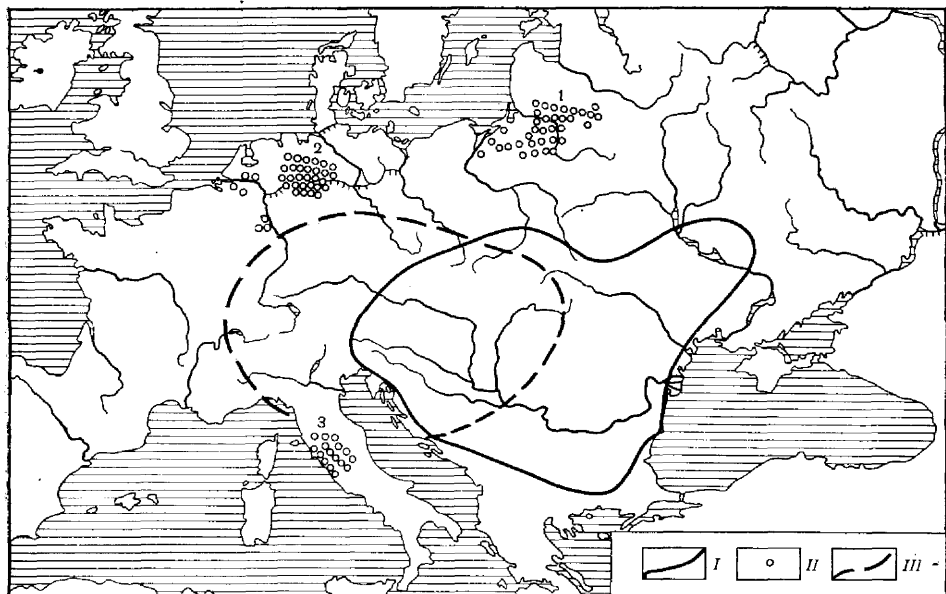
Славянский ареал — в Центральной Европе

Кажется, что вряд ли будет правильно — в свете современных изложенных выше данных, дописав тезис о праиндоевропейском ареале, отложить его и приняться определять праславянский ареал в каком-то совершенно другом месте. Так следовало бы сделать, если бы для того имелись серьезные данные, но их нет. Конечно, все зависит от интерпретации нередко одних и тех же данных, которые разным исследователям говорят разное. И все же уточнение и совершенствование методов должно увеличивать число однозначных решений. Так, традиционно продолжают сомневаться в славянстве варварского племени первой половины V в. н. э., упоминаемого Приском примерно на территории современной Воеводины и говорящего на отличном от германского языке, а также пью-

щего напиток *medos* [77, с. 25]. Автор названного исследования думает при этом о сарматах, засвидетельствованных в V в. на этих же территориях, но мы раз и навсегда отклоним такую приблизительную атрибуцию, потому что у сарматов-иранцев название напитка звучало бы как *madu-*, а не *medos*. Равным образом, несмотря на упорное стремление аргументировать неславянское происхождение глоссы *strava* в описании погребения Аттилы V в. на среднем Дунае у Иордана, как раз славянская версия, с чертами западнославянской фонетической эволюции — *strava* < **jъztrava* — является наиболее правдоподобной, как мы показываем в другом месте [87].

Но история славянских древностей, в том числе языковых, связанных со Средним Подунавьем, уходит в глубь времен. На это было обращено внимание в связи с терминами обработки металлов, металлургии, которые объединяли славян с иными древними индоевропейскими племенами, соседившими с запада, — германцами, кельтами и италиками. За прошедшие тысячелетия изменилось очень многое — ареалы контактировавших этносов и даже их состав (кельты, давшие так много европейской металлургии и культуре вообще, давно исчезли в Центральной Европе). Изменились и ареалы некоторых слов из этой области; так, слав. **gъrnъ* и **molъ* распространились вместе с носителями славянских языков по Балканскому полуострову и Восточной Европе. Но и они сохранили навсегда связь с Центральной Европой, как о том говорят их исключительные терминологические соответствия в латинском языке. Что же касается других важных и не менее древних и самобытных металлургических терминов — праслав. диалектн. **ěstěja* «отверстие печи», **vugnъ* «горн, кузница», **kladivo* «молот, молоток», то они до сих пор так и остались, так сказать, в «придунайских» славянских языках¹, не распространившись даже в польских землях, не говоря уж о восточнославянских. Эти важные архаичные кузнечные термины наиболее полно символизируют принадлежность к центральноевропейскому культурному району, если иметь в виду, в первую очередь, близость этих славянских слов и соответствующих германских, латинских и кельтских слов. Связи этих слов столь древни и своеобразны, с чертами собственного давнего развития, что необходимо отметить незаимствованный характер славянских форм [89]. В дальнейших исследованиях было уделено внимание этому тезису нашей книги о ранней ориентации славян на Центральную Европу, при незначительности древних терминологических связей славян с балтами [90; 26, с. 27]. Сторонники тесных балто-славянских языковых отношений иногда, правда, находили эти наши положения «странными», но я не думаю, что это серьезно повлияло на убедительность самих положений. Следует иметь в виду мощное культурное основание, на котором зиждется кратко охарактеризованная выше славянская терминология обработки металлов и связанная с ней лексика других индоевропейских языков Центральной Европы. Археологи-исследователи европейского бронзового века специально указывают: «Не следует забывать значение европейской металлургии при сравнении с данными с Ближнего и Среднего Востока; на Ближнем Востоке есть все: медь, олово и золото..., но их обработка не была ни в коем случае более ранней, чем на европейском континенте» [31, с. 8]. М. Гимбутас подошла, естественно, к этим культурно-историческим данным с позиции своей теории о цивилизованной доиндоевропейской Древней Европе, «курганизированной» позднее индоевропейскими кочевниками. Оставив в стороне эту атрибуцию древнеевропейской цивилизации, возьмем у Гимбутас лишь карту «древнеевропейской металлургической провинции» [33, с. 34, рис. 9], представляющую интерес в любом случае. Мне показалось полезным завершить эту часть рассуждений совмещенной картой, на которую последовательно положены контуры «древнеевропейской металлургической провинции»

¹ Существенные дополнения о распространении **vugnъ* в болгарском и македонском, включая ср.-болг. *vygnii* «кузница» в Скитском патерике XIII в., см. [88].

Условные обозначения

I — «древнеевропейская металлургическая провинция» (Gimbutas 1982); II — концентрация в Прибалтике (1), «северо-западном блоке» (2) и Италии (3) (Udolph 1981); III — центральноевропейский культурный район (Трубачев 1966).

(Гимбутас 1982), зоны концентрации древних индоевропейских гидронимов (Удольф 1981) и мой центральноевропейский культурный район (Трубачев 1966). Чтобы не усугублять схематизм, не проведены лишь линии векторов, но их каждый может провести мысленно, как предложено выше. Здесь также совмещен (и тоже сознательно) наш вариант ответа на вопрос о центрах индоевропейского и праславянского ареалов².

Локализация центральной или значительной части древнего индоевропейского ареала в придунайских районах не нова, имеет свою значительную традицию, на которой нет возможности останавливаться. Можно сказать, что она выдержала испытание временем. К ней постоянно обращаются, споря с более новыми теориями, см. [44, с. 12; 91, 92].

Традиция обитания славян на Среднем Дунае, видимо, не прерывалась никогда. Об этом может косвенно свидетельствовать немаловажное указание, что «продвижение славян к берегам Дуная и освоение ими огромной цветущей долины дунайского левобережья» прошло «незаметно для глаза историка» [93].

В исследованиях В. Т. Коломпец о славянских названиях рыб [94, 95] постоянно звучит тема раннего проживания славян и других индоевропейцев в южной части Центральной Европы, ср. хотя бы факт знакомства с форелью и обозначение ее производными от праслав. **pьstrъ* «шестрый» практически во всех славянских языках.

Поиски паннонскославянских и дакославянских остатков языка, хотя и сатрудняются в высокой степени спецификой венгерского языка и другими трудностями, очевидно, не должны прерываться и могут принести определенный результат, ср. личное имя собственное *Bichor* (Паннония, 1086 г.), сюда же название гор *Buzar* (венг. *Bihar*, рум. *Bihor*) в Трансильвании, а также некоторые соответствия в южнославянской ономастике, при полном отсутствии продолжений апеллативного праслав. **бухоръ*, реконструируемого на основании этих данных суффиксального

² Пользуюсь случаем, чтобы отметить выступление А. В. Десницкой в поддержку моей идеи концентричности расположения праиндоевропейского и праславянского ареалов в Подунавье (при обсуждении моего доклада на IX Международном съезде славистов в Киеве).

производного от **byti* «быть», ср. польск. *znachor* «знахарь», белорусск. *жыхар* «житель», ср. [96]; дославянский субстрат предполагает [97].

Еще двадцать лет тому назад Георгиев указывал на соседство праславянского языка с дакским (у Герогиева — дакийский, дако-мизийский), распространенным в Восточной Венгрии и Румынии [98]. Археологи констатируют около начала нашей эры даже дакскую экспансию в Среднем Подунавье [99]. Древнее соседство не могло обойтись без языковых, изоглоссных и других связей. Выше мы коснулись одной из языковых *daco — slavica* — общей стадияльной изоглоссы *c (ts) < k*. К конценции центральноиндоевропейского, дунайского положения праславянского возможны, таким образом, подходы и с этой стороны. Вообще существует вероятие весьма большой близости славянского и древних индоевропейских языков Балкан, проявившейся, как полагают, в полной славянизации автохтонного балканского населения [100]. Поиски на этом пути надо продолжать, и нас ждут, возможно, новые находки. Например, довольно убедительно показано, что старое название *л е с и с т о г о* острова Лесбос — **lssa* — происходит из **id-sa* < и.-е. **vidhu* «дереву», «лес», «лесистая гора», ср. в соседней (фракийской) Троаде гора по имени **Idh*, см. [101], с дальнейшими ссылками на работы Л. А. Гиндина. Однако случайно ли при этом остров Исса носит еще и «новое» название *Λέσβος*, Лесбос? Или мы вправе предположить здесь особое, тоже негреческое, индоевропейское название **lēsynos*, **lēsouos* с той же внутренней формой «л е с н о й», что и **lssa* (выше), идущее с индоевропейских Балкан и удивительно напоминающее праслав. **lēsouvъ*? Ср. равнооформленный топоним *Berzovia* с территории античной Дакии и праслав. **berzovъ* «березовый».

В этой связи стоит упомянуть о прослеженной В. А. Городцовым народной орнаментальной композиции (женщина между двумя всадниками), общей для дакских свинцовых табличек и для русских вышивок [102]. Естественно, что, этимологизируя в пограничье, иногда приходишь к выводу о необходимости пересмотреть свои предыдущие толкования в пользу другого языка и этноса. Я имею в виду свое предположение [4, с. 8—9] о происхождении плиниевской глоссы *Morimarusa* «mortuum mare» в конечном счете из раннепраславянского выражения с тем же значением «мертвое, умершее море», о разливах в Потисье. Теперь я думаю, что это, скорее, был остаток дакского языка, ареал которого входил и в Восточную Венгрию, бассейн Тисы. Дакский язык, видимо, располагал также причастиями прошедшего времени на *-yes*, *-yos*, *-us* (*-marusa* «умершее, -ая») подобно индоиранским, греческому, балтийским и славянским. В атрибуции плиниевского *Morimarusa* дакскому языку нас укрепляет довольно вероятная морфологическая параллель дакского топонима *Sarmizegetusa* (Птолемей), столица Дакии, древний город в Южных Карпатах. Название *Sarmizegetusa* не получило удовлетворительного объяснения (ср. попытку прочесть его как «город с частоколом» [103]). Можно попытаться истолковать *Sarmi-zegetusa* как выражение, значившее что-то вроде «горячий источник», с постпозицией определения (как и в *Mori-marusa*!), причем первый компонент — к апеллативно-гидронимическому *serm-/sarm-* «поток», известному в балканскоиндоевропейских языках, а второй — причастие действ. прош. на *-us* от глагола с корнем *zeg-* < **dieg-* < **deg-* «жечь». В Сармизегетусе, которая была не только царской столицей, но и религиозным центром со святилищами, обнаружены остатки канала, который подводил из близкого источника воду, использовавшуюся при священнодействиях [104]. В деталях близко этимологизирует *Sarmizegetusa* Шаль [105] — через сравнение с эпиграфическим именем *Salmo-deg-ikos* (Истрия) «солевар» (?), откуда якобы *Sarmizegetusa* «солеварный канал», но сомнительность формальных деталей довершает культурноисторическая и социолингвистическая сомнительность целого: у нас нет данных о солеварении в Сармизегетусе, но достоверно известны там культовый центр, храмы, вероятно и культовое назначение источника.

И в малых этюдах и в больших работах по лингвоэтногенезу должна совершенствоваться социолингвистическая и этнолингвистическая мысль, которая нередко в действительности сильно отстает от формального анализа, отчего последний может получать неверное направление и осмысление. Так, все еще недостаточно учитываются особенности и потребности древнего этнического самосознания, для которого главное — идентификация по принципу «мы» — «они» [106, *passim*], тогда как развитое самообозначение отнюдь не принадлежит к числу наиболее ранних потребностей³. В последнее время в целом возобладала этимологическая концепция самоназвания **slověne* «славяне» как первоначально означавшего «ясно говорящие» [108, 109]. Думается, что она более адекватно отражает древнее этническое самоназвание с его первостепенной актуальностью самоидентификации по принципу «мы» — «они», поэтому другая попытка, исходящая от историка Восточной Европы Г. Шрамма, с осмыслением **slověne* как **Sloven(t)-n-* от **Slovota* «Днепр», т. е. «днепряне» [110], не может встретить нашего сочувствия ни с формальной стороны, ни со стороны этнолингвистической, чем, видимо, и вызвано то, что Шрамм до сего времени, к его огорчению, не получил положительного отклика (Widerhall). Все исследователи интуитивно понимают, что название **slověne* не было изначальным⁴; значит, был период времени, когда этого названия у славян не было. Что же было тогда? Эта пустота вместо этнического самоназвания у славян действует на исследователей угнетающе, и они — в убеждении, что в этой функции должно было быть что-то еще более древнее — продолжают свои поиски и приходят, например, к тому, что древнейшим именем славян было *Veneti/Venedi* [112]. Примерно такой же точки зрения придерживаются В. Георгиев и И. Дуриданов (выступление на IX Международном съезде славистов). В такой форме это утверждение, конечно, неверно, а верно лишь то, что, как известно, имя венетов — венедов было вторично перенесено на славян главным образом их западными соседями после того, как славяне заполнили «этническую пустоту», оставшуюся после ухода венетов, бывших прежде к востоку от германцев (содержащееся, далее, в статье Голомба отождествление имени венетов и вятичей, наконец, попытка подвести под и.-е. **genét-* понятие «воин» в духе трехчастной социальной структуры индоевропейцев по Бенвенисту — Дюмезилю — все это, скорее, сомнительно).

Один из центральноевропейских этносов, лишь значительно позже усвоивший самоназвание **slověne*, говорил на языке (или группе диалектов), архаичность которого (правда, весьма специфическая, поскольку она представляет собой сочетание продвинутой, т. е. центральности, славянской языковой эволюции со специфически славянским — преобразованным архаизмом) и в наше время вызывает удивление, в том числе и у неславистов: «Так, можно с полным правом удивляться по поводу того, как, несмотря на раннюю письменную фиксацию ст.-слав. *лѣвъ* «левый», русск. *левый* до наших дней не обнаруживает ни малейших признаков забвения, тогда как его латинский родственник, а именно *laeuus*, полностью угас в старой романской речи» [113]⁵.

И последнее — и главное, что упорно забывают, когда говорят в новейших исследованиях о едином и неразделенном праиндоевропейском или даже общиндоевропейском языке: праиндоевропейский с самого начала

³ Поэтому выглядит поспешным утверждение теоретика-этнографа: «Нет и не было ни племени, ни народности, ни нации, ни национальности, у которых бы оно (самоназвание. — Т. О.) отсутствовало» (см. [107]).

⁴ Хотя, очевидно, не все понимают правильно природу этого явления и его распространения, ср. объяснение искусственным насаждением и распространением названия одного племенного союза — *склавен, славян* — как общего наименования всех родственных этносов «не в последнюю очередь благодаря византийской историографии», см. [111].

⁵ Архаичность слав. **lěvъ* едва ли удачно объясняется в духе новой концепции итальянского проникновения, см. [84, с. 73].

был группой диалектов, точно так же с самого начала был группой диалектов и праславянский язык. Это имеет методологическое значение для правильных представлений о праязыковом словаре, лексике, ибо «весь праиндоевропейский лексический фонд не мог возникнуть в одном и том же месте в одно и то же время» (В. Пизани) [цит. по 114]. Важный, как кажется, вывод отсюда — это то, что, скажем, праславянский словарный состав в силу своей естественной полидиалектности не мог и не должен был быть достоянием одного (индивидуального) праславянского языкового сознания. Надо исходить из собирательного характера носителя праиндоевропейского, праславянского, как, впрочем, и любого другого лексического фонда.

ЛИТЕРАТУРА

60. Барроу Т. Санскрит. М., 1976, с. 18.
61. Shields K. Jr. A new look at the centum/satem isogloss. — KZ, 1981, 95.
62. Трубачев О. Н. Лексикография и этимология. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1973, с. 305 и сл.
63. Solta G. R. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateins. Darmstadt, 1980, с. 41.
64. Rădulescu M.-M. Daco-Romanian-Baltic common lexical elements. Ponto-Baltica, 1981, 1, p. 71.
65. Mayer H. E. Zur frühen Sonderstellung des Slavischen. — ZfslPh, 1981, 42, S. 300 и сл.
66. Schmid W. P. Die Ausbildung der Sprachgemeinschaften in Osteuropa. — In: Handbuch der Geschichte Russlands. Hrsg. von Hellmann M. [et al.]. Bd. 1. Lf. 2. Stuttgart, 1978, S. 106.
67. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. Трубачёва О. Н. Вып. 10. М., 1983, с. 188 и сл., s. v. *konopja.
68. Kluge F. Aufgabe und Methode der etymologischen Forschung. — In: Etymologie. Hrsg. von Schmitt R. Darmstadt, 1977, S. 110.
69. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908 и сл.
70. Böhltingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Lf. 6, S. 197.
71. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958.
72. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956;.
73. Курилович Е. О балто-славянском языковом единстве. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М., 1958, с. 33.
74. Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. — В кн.: V Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1963, с. 74.
75. Milewski T. Archaizmy peryferyczne obszaru prasłowiańskiego. — In: Sprawozdania z posiedzeń komisji PAN, Oddział w Krakowie, styczeń — czerwiec 1965. Kraków, 1966, с. 134—137.
76. Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, с. 27, 37, 62.
77. Kurnatowska Z. Słowiańszczyzna południowa. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977.
78. Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян. — В кн.: Славяне на Днестре и Дунае: Сб. научн. трудов, Киев, 1983, с. 45.
79. Приходнюк О. М. К вопросу о присутствии антов в карпато-дунайских землях. — В кн.: Славяне на Днестре и Дунае..., с. 187.
80. Вахуленко Л. В. Поселение позднеримского времени у с. Сокол и некоторые вопросы славянского этногенеза. — В кн.: Славяне на Днестре и Дунае..., с. 179.
81. Bialeková D., Tirpáková A. Preukázateľnosť používania rímskych mier pri zhotovovaní slovanskej keramiky. — Slovenská archeológia, 1983, XXXI — 1.
82. Udolph J. Gewässernamen der Ukraine und ihre Bedeutung für die Urheimat der Slaven. — In: Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983. Hrsg. von Olesch R. Köln — Wien, 1983, S. 594.
83. Колосовская Ю. К. Паппония в I—III веках. М., 1973, с. 23.
84. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983, с. 70.
85. Трубачев О. Н. — Этимология. 1980, М. 1982, с. 170 и сл. — Рец. на кн.: Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.
86. Udolph J. Zur frühen Gliederung des Indogermanischen. — IF, 1981, 86.
87. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 9. М., 1983, с. 81.
88. Rusek J. Srednbg. vugni «kužnia». — Македонски јазик, 1979, XXX, s. 225 и сл.

89. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. Этимология и опыт групповой реконструкции. М., 1966, с. 331 и сл., рис. 10 на с. 342.
90. Birnbaum H. The original homeland of the Slavs and the problem of early Slavic linguistic contacts.— The journal of Indo-European studies, 1973, 1, p. 415.
91. Янюнайте М. Некоторые замечания об индоевропейской прародине.— Baltistica, 1981, XVII (1), с. 66 и сл.
92. Горнунг Б. В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?). М., 1964, с. 19.
93. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 50.
94. Коломиец В. Т. Ихтиологическая номенклатура славянских языков как источник для исследования межславянских этнических взаимоотношений. Киев, 1978, с. 8.
95. Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983, с. 138.
96. Smilauer V. Původ místního jména *Býchory*.— Zpravodaj Místopisné komise CSAV, 1981, XXII, S. 359—360.
97. Schramm G. Eroberer und Eingessessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981, S. 207—208.
98. Георгиев В. И. Праславянский и индоевропейский языки.— В кн.: Славянская филология. Т. III. София, 1963, с. 7.
99. Kuzmová K. Nížinné sídliská z neskorej doby laténskej v strednom Podunajsku.— Slovenská archeológia, 1980, XXVIII—2, с. 334.
100. Илиевски П. Х. Лексички реликти од стариот балкански јазичен слој во јужнословенските јазици.— В кн.: Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев. Скопје, 1983, с. 12.
101. Яйленко В. П. "Ісса" — «лесистый» остров: к этимологии названия.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, с. 66 и сл.
102. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 472.
103. Homorodean M. Vechea vatră a Sarmizegetusei în lumina toponimiei. Cluj — Napoca, 1980, p. 51.
104. Daicoviciu H. Dacii. București, 1972, p. 228, 230.
105. Schall H. Die Kelmis-Sprache. Eine antike Grund-Sprache im Bereich Dakothrakisch: Baltoslawisch.— Onoma, 1978, XXII (1—2), S. 306.
106. Mahapatra B. P. Ethnicity, identity and language.— Indian linguistics. Journal of the Linguistic society of India, 1980, 41, p. 61 и сл.
107. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 45.
108. Maher J. P. The ethnonym of the Slavs — Common Slavic **Slověne*.— The journal of Indo-European studies, 1974, 2, p. 143 и сл.
109. Трубачев О. Н. Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-ninъ*, **-janinъ*.— В кн.: Этимология. 1980. М., 1982, с. 13.
110. Schramm G.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 30. Wiesbaden, 1982, S. 264.— Рес.: Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980.
111. Havlík L. E. Přeměna společenských formací a etnogeneze Slovanů.— Československá slavistika, Praha, 1983, s. 158.
112. Gotqb Z. Veneti/Venedi — the oldest name of the Slavs.— The journal of Indo-European studies, 1975, 3, p. 321 и сл.
113. Malkiel Y. Semantic universals, lexical polarization, taboo. The Romance domain of «left» and «right» revisited.— In: Festschrift for O. Szemerényi. Ed. by Brogyanyi B. Pt. II. Amsterdam, 1979, p. 514.
114. Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы.— ВДИ, 1982, № 3, с. 36.